

Евгений Курдаков

С ПЕСНЯМИ БОРЯСЬ И ПОБЕЖДАЯ...

Рассказ

Лето катилось по-азиатски жесткое, палящее. Иногда задувал «афганец», и тогда сутками над военным городком и хлопковыми полями стояла тяжкая раскаленная мгла, не давая дышать. Шел 1962 год...

Художник гарнизонного клуба рядовой Алексей Осинин, который уже считал дни до мобилизации, не вылезал из своей каптерки – расписывал жестяные щиты выдержками из «Строевого устава». Щиты предназначались для нового дивизионного плаца, который сейчас заливали асфальтом стройбатовцы.

Начальник штаба капитан Бреусов, издерганный и вечно чем-то озабоченный человек, иногда вдруг, оборвав очередную перебежку из клуба в штаб, зашмыгивал в каптерку Осинина...

... Весь июнь и половину июля из соседних гарнизонов к дивизионному клубу подвозили бюсты Сталина. Их выгружали на заднем дворе, и Осинин, матерясь про себя, бросал работу и перетаскивал тяжелых вождей под дальний навес за своей каптеркой – от глаз подальше. Капитан Бреусов боялся этих свалившихся на его голову Сталиных больше, чем полковников из политотдела, и однажды, не поленившись, привез на бэтээре огромный танковый брезент, чтобы прикрыть растущую свалку алебастровых вождей. Она и впрямь пугала, эта гора голов, топорщащихся усов и широких звезд на генералиссимусских погонах.

Два громадных урюковых дерева, вздымавшихся над каптеркой, беспрерывно роняли перезревшие плоды, и белесый брезент, бугристо пластавшийся внизу, был похож на шкуру жирафа от пятен рыжего абрикосового цвета.

Из гарнизонов под шумок борьбы с культом личности вывозили и прочий хлам наглядной агитации: плакаты с цитатами вождей, портреты и бюсты его соратников, среди которых попадались личности, еще не проштрафившиеся перед непредсказуемой историей.

– Вот сволочи, – злобно шептал капитан Бреусов, обходя алебастровую свалку. – Осинин!

– Да, товарищ капитан.

– Дзержинских и Кировых отставляй к черту, вот сюда... Они у меня подавятся этими Кировыми... Оголили наглядку... Да прикрой их, Осинин!.. Ну, гады, сами просятся на донесение в политотдел... Так, а это кто такой?

– Каганович, товарищ капитан.

– Как он попал сюда?

– Из железнодорожного батальона, това...

– Мать их... – зашипел взбешенный капитан, – и эти тоже... Что они выкинули его?

– У него затылок проломлен, товарищ капитан.

– Та-ак... А это кто? – капитан перевернул носком сапога бюст и воззрился на него. – Сталин? Что-то худой какой-то... Без погон...

– Это Орджоникидзе, товарищ капитан. Они его, наверное, за молодого Сталина приняли.

– Та-ак, а это что за кадр?

В углу двора, в проеме от выломанной доски забора торчала мохнатая ушастая голова старой ишачки. Она приходила с маленьким ишачонком из соседнего аула, прикормленная еще предшественником Осинина, который вместе с каптеркой передал в наследство и заботу о ней. Ишачка моргала длинными седыми ресницами и меланхолично смотрела на брезент, засыпанный разбитым урюком.

– Осинин! Сколько раз говорить – заколоти дыру! Не клуб, а конюшня, твою мать... И не корми ее больше!

Ишачка, уловив обстановку, исчезла, а раздраженный капитан заспешил к воротам, у которых, подогнанный задом, разгружался запыленный «Урал». Четыре дочерна загорелых пограничника спускали по доскам «Карацупу с Джульбарсом», с прутьями вместо ног: наглядка явно требовала ремонта. И пока Бреусов переругивался с пограничниками, Осинин набрал урюка в таз и выставил в дыру за забор; он знал, что ишачка еще там...

...В середине июля к капитану Бреусову заехал майор Киготь, его друг и собутыльник, помначтыла корпуса. Осинин знал, что они издавна вели какие-то свои делишки, и не любил наездов Киготя. После него всегда приходилось что-то грузить в машину, иногда сопровождать ее до корпуса, где-нибудь разгружать и ночевать чёрте те где. И все это без командировочной, без увольнительной, а там, в областном центре, где был штаб корпуса, ничего не стоило попасть под патруль или дежурного по гарнизону...

Дописывая щит, Осинин краем глаза увидел, как капитан с майором, уже изрядно выпившие, вышли на задний двор и, покуривая, рассматривали алебастровую гору вождей народа. Сквозь оживленную матерщину командиров Осинин пытался понять, что готовит ему очередной приезд майора, но тот сам упредил, окликнув:

– Осинин!

– Так точно, товарищ майор, – Осинин не спеша слез с козел, вытер руки и пошел к майору. У третьему году уже хорошо обучаешься вот так, не спеша, не суется, но и особо не мешкая, без подобострастия, но и без излишней демонстрации достоинства, откликаться на зов командира, и главное, ни в коем случае не смотреть начальству в глаза, как бы присутствуя и отсутствуя одновременно. Ты здесь, но тебя нет...

– Так сколько у нас бюстов тут? – деловито спросил майор Киготь. Его пухлое лицо дышало азартом, и было видно, что он опять что-то затеял.

– Бюстов Сталина, товарищ майор, девяносто четыре. Есть еще Киров, три Орджоникидзе, Каганович, два Дзержинских и Калинин. А также одна, я извиняюсь, Крупская...

– Она тоже из гарнизонов? – удивился Киготь.

– Из штрафбата, – буркнул Бреусов, – там малолетка была раньше.

– Есть еще два неопределенных бюста, товарищ майор. Один с длинными усами...

– Горький?

– Никак нет, он лысый.

– Шевченко?

– Не могу знать, товарищ майор... Есть также один с бородой, но не Маркс.

– Энгельс?

– Никак нет, товарищ майор, он тоже лысый. – Осинин знал, что это академик Павлов из медсанбата, но нельзя быть умней начальства, это он тоже хорошо понимал.

– Ну, чёрт с ним, – нетерпеливо сказал Киготь, – что там еще?

– Еще две группы, товарищ майор, «Карацупа с Джульбарсом» и партизаны.

– Партизаны?

– «Народные мстители», товарищ майор. Мужик с ружьем, баба с гранатой и парень на коленях... Но они без голов.

– Ну, дают, – выругался Киготь, – они что, так без голов и стояли?

– Не знаю, товарищ майор, но изломы закрашены двумя слоями, наверное, так и стояли...

Майор с капитаном, посмотрев друг на друга, как-то оцепенели сразу. Они мгновенно представили себе последствия какой-нибудь проверки наглядной агитации на местах и чем было бы чревато для них обнаружение на территории гарнизона скульптурной группы народных мстителей.

...До обеда друзья-командиры еще два раза выходили во двор, поднимали брезент и осматривали морально и политически устаревшую наглядку, о чем-то спорили, и Осинин твердо знал, что опять ему предстоит какая-то внеуставная работа. Разбивать все это? Закапывать?

Утро было ясным и тихим. «Афганец», задувавший всю неделю, уgomонился, наконец, оставив горы урюка на брезенте и крыше каптерки. Гремели катки на плацу, трамбуя асфальт, разноголосо подвывали духовые из казармы муззвезда и издалека время от времени доносились гулкие и тяжелые взрывы: там пробивали Туркменканал.

– Осинин! – окликнул капитан Бреусов. – Ну-ка, зайди!

В кабинете под портретом Хрущева сидел майор Киготь и тяжело смотрел в окно.

«Будто и не уезжал... Ну, точно, что-то затеяли», – с тоской подумал Осинин и доложил о прибытии. Пахло табаком и каким-то хорошим спиртным.

– Садись, садись, Осинин, разговор есть... Ты ведь в художественном учился?

– Так точно, со скульптурного забра... то есть призвали, – осторожно присев, ответил Осинин.

– Значит, лепить можешь?

– Так точно, и лепить...

– А из гипса?

– Так точно, из гипса тоже. Гипс для скульптуры главный материал.

– Так, так... – Бреусов посмотрел на Киготя, и тот кивнул, разрешая, – ну а Ленина, к примеру, мог бы изобразить?

– Так точно, Ленина – самое простое дело.

– Это почему? – насторожился Бреусов.

– Ленин в трафарете, товарищ майор, здесь не ошибешься... Я его с закрытыми глазами...

– В каком это трафарете?

– Два-три-четыре-семь.

– Это что такое? – спросил в свою очередь Бреусов.

– Пропорции такие, товарищ капитан, давно проверенные: от конца бороды до рта, затем нос – и лыси... темя, то есть. Мы халтурой в училище кормились, я этих Лениных...

– Ладно, – оборвал что-то решивший Киготь и, хлопнув по столу ладонью, встал. – Значит, так. Возьмешь одного Сталина, бюст, конечно... и попробуй из него сделать Ленина. Не пропадать же добру... Сам знаешь, гарнизоны остались без наглядки, а когда новую пришлют, хрен их знает... Пьедесталы голые стоят, как после революции... это морально-политически, знаешь сам, разлагает... Делай здесь, во дворе. Никому ничего, и чтобы не видел никто! Сделаешь, вот, покажешь капитану... В общем, пробуй...

– Так точно, – Осинин понял, что затеяли командиры, и вздохнул, – мне алебастр нужен.

– С этим – к капитану...

На следующий день два санинструктора притащили мешок гипса и зачем-то коробку гипсовых бинтов. Осинин наточил стамески, нож, выпросил у сапожников два рашпиля, притащил из столярки наждачку и, закрыв дверь каптерки, вышел на задний двор. Поставив на козлы бюст Сталина, Осинин задумался.

Вождь был исполнен в знаменитом «повороте победителя», с генералиссимусскими звездами, так, как на отцовских орденах, которые Осинин помнил с детства. Ох, узнал бы отец, чем ему тут приходится заниматься!

Осинин облил Сталина водой, чтоб было поменьше пыли, прочертил углем контуры будущей лысины и, из-под киянки, стал срубать валик волос вождя. Стамеска на третьем ударе неожиданно провалилась в пустоту. Осинин выругался, – конечно, отливки были предельно тонкостенными, тоже халтурили где-то... Пришлось срубать всю верхнюю часть головы по контуру: все равно нужно будет наращивать... Но вот чем этот слой поддержать изнутри? Контрформу делать не хотелось – муторно, долго...

Осинин сходил в каптерку и, порывшись в ящиках, нашел футбольную камеру. Вставив ее в проломленную голову вождя, Осинин стал осторожно надувать ее, время от времени отстраняясь, чтобы рассчитать контуры получающегося свода. Наконец, до звона надутая камера выпятилась из разлома на нужную высоту, и Осинин завязал ниппель, заправив его под затылок вождя.

Сталин, с иссяня-черным резиновым сводом на голове, похожим на чужеземную каску, был пугающе-страшен, и Осинин не стал медлить. Размешав в чашке

гипс, он накидал его на поверхность камеры и по сырому быстро протесал все это ножом, следя за точностью контура. Он еще успел набросать гипс на скулы, дабы «замонголить» лицо, и уже загустевший остаток слил на подбородок. Провозившись еще с подрезкой бороды и со щеками, Осинин, наконец, отошел назад и замер, удивившись, в общем-то, предельной простоте переделки одного вождя в другого. Да, перед ним был дорогой Ильич, правда, с несколько тяжеловатым кавказским взглядом. Нужно брови тронуть и глаза «защурить», прикинул Осинин и, закрыв изделие мешком, пошел доложить командиру...

* * *

...Дневальный протянул ему письмо.

Осинин сразу ушел за артсклады, туда, к старому арыку, где в зарослях тутовника и джиды было у него одно укромное местечко. Он не любил читать письма в казарме или в каптерке, где всегда могли помешать, – для письма ему нужно было одиночество.

Мать писала все то же, что и всегда, что ждут его не дождутся, соскучились, что огород поспекает, к ноябрьским и к его дню рождения огурчиков насолили, о соседях, о дружках закадычных, что уже отслужили и переженились, что Танька-сестренка совсем от рук отбилась...

А в конце письма осторожно, словно мимоходом, обмолвилась, что отец все хворает, лег подлечиться пока... И эта щадящая мамина скороговорка – и уже во втором письме – взволновала Осинина. Он разулся, подвернул брюки, опустил ноги в арык и задумался.

Отца своего Осинин помнил с пяти лет, когда тот вернулся с фронта. Несколько дней они с матерью ходили встречать эшелоны, которые прибывали всегда вечерами. Отец дал телеграмму еще из Кинеля, а оттуда было ходу, ну, день, не больше. Но эшелона все не было.

От дома до станции верст пять, бабка ругала мать, что она затемно таскает мальчонку в такую даль. Но мама с каким-то сдержанным упорством всякий раз уходила на станцию с сыном, иногда полдороги неся его на руках... Сейчас-то Осинин знал, что мать не могла иначе, что это был, в общем-то, почти священный обряд тех лет.

Самой встречи он как-то не запомнил. Помнил только, как шли они по темным улицам домой. Мать смеялась и тихонько плакала, а отец, которого он сильно стеснялся, нес большой чемодан, скатку, от него пахло кожей, табаком и чем-то таким, особым, что навсегда осталось в памяти как запах отца, вернувшегося с фронта...

И еще он помнил, что всю дорогу что-то легонько и ритмично позванивало. Это звенели отцовские медали, две белые – со звездами, и две желтые – со Сталиным...

– Осинин! – возник вдруг в кустах вестовой, – вот, я тебя вычислил! Узнал, что ты письмо получил, и сюда сразу... Давай беги в клуб, твой придурок тебя потерял.

– Что там у него?

– Да этот, жирный, Киготь, что ли, приехал, тебя требуют.

– Ладно... – Осинин обулся, намочил панаму в арыке и побрел вслед за вестовым.

В кабинете Бреусова сидел все тот же помначтыла Киготь в расстегнутой гимнастерке, а на столе, сейчас в открытую, стояла бутылка коньяка и взрезанная банка бараньей тушенки из сухпайка.

— Садись, Осинин, — с подозрительным гостеприимством, даже стул ногой подвинул, предложил помначтыла.

Бреусов достал из сейфа три стакана и разлил коньяк. На сейфе стоял новенький осининский Ленин.

— Давай, Осинин, не стесняйся, хряпни малость. — Киготь звякнул стаканом. — Дембель скоро?

— Так точно, товарищ майор, пять недель до приказа. — Осинин присел, вежливо отхлебнул и стал закусывать.

— Ну, приказ — это еще не дембель, — взглянув на Киготя, сказал Бреусов, — сам знаешь, полтора-два месяца как миленькие отдубасите, а то и больше... А у тебя, Осинин, и сменщика нет. Как мы оголим клуб? Кто наглядку делать будет? А вдруг с этим призывом ни одного оформителя не придет?

Осинин знал, что никто, конечно, дембель не отменит, но, если надо, родные командиры нервы помотать смогут — ого, как! — и запросто задержат месяца на три.

— Вот наше предложение. — Бреусов опять взглянул на Киготя, тот кивнул. — Мы тебя демобилизуем сразу, на другой день после приказа.

Осинин встрепенулся, внимательно посмотрел на командира и внезапно все понял.

— ...Но ты должен напоследок выполнить одно, так сказать, боевое задание... Ленин у тебя получился вылитый, как заводской... Хм... Короче, давай так... Если до приказа сделаешь сто штук, вот таких же, из Сталиных этих... Хм... То на другой же день после приказа сделаем тебе дембель.

— Сделаем, — подтвердил Киготь, — все писаря на тебя работать будут... Ну, как?

Но Осинин уже и не раздумывал: письмо матери жгло карман гимнастерки; он встал, привычно оправил гимнастерку:

— Разрешите выполнять задание?

— А сделаешь к сроку? — вдруг, как бы испугавшись такого быстрого согласия, насторожился Бреусов.

— Так точно, к пятому сентября сделаю.

— Откуда ты знаешь, что приказ будет пятого? — спросил, было, Бреусов, но Киготь оборвал:

— Иди, Осинин, выполняй...

Заканчивался август, а жара, казалось, только набирала силу. Пробушевал еще один недельный «афганец», вконец иссушив землю, забелели раскрывшиеся коробочками хлопковые поля. Взрывы с Туркменканала звучали уже отдаленнее, глуше. Стройбатовцы, укатав асфальт нового плаца, перешли на другие объекты. Но Осинин ничего этого уже не замечал. Третью неделю он почти безвылазно работал на заднем дворе клуба, а в каптерке на стеллаже двумя рядами стояли шестьдесят готовых Лениных, и нужно было их сделать еще ровно сорок штук. Ходил он теперь как маляр, весь в алебастре, с потрескавшимися руками, и давно уже не сидел вечерами за гитарой в ленкомнате, а, поужинав, снова возвращался к верстаку. Уставал он страшно. Но если бы ему предложили отдохнуть денек-

другой, он ни за что бы не согласился. Каждый новый Ленин сокращал ему день службы, но на всех Лениных времени уже не хватало.

Тогда он решил применить пооперационный метод. Он водружал на верстак сразу по пять Сталиных, обливал их водой, затем быстро очерчивал контуры лысины. Головы он пробивал теперь топором, им же нагрубо подтесывал края сколов. Потом, вытряхнув осколки, вставлял в каждую голову по футбольной камере, которыми в избытке снабдил его капитан Бреусов, и надувал их. На третьей камере обычно начинала кружиться голова, и Осинин, давая отдых легким, разводил в это время в резиновом автомобильном ведре порцию алебастрового месива... Чтобы не выходить из ритма, он постоянно что-нибудь напевал, и песни вспоминались почему-то именно из «сталинского» репертуара, который он наизусть помнил еще со школы:

Сталин – наша слава боевая.
Сталин – нашей юности полет.
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет...

* * *

...Поезд шел к дому. Дембель Осинин, самый счастливый человек на свете, беспрестанно смотрел в окно. Скоро пойдут знакомые, потом все более знакомые станции, пока, наконец, не возникнет в окне самая дорогая, единственная, под названием Бузулук...

И еще он улыбался оттого, что знал – в это время в ставленвоенкомнатах туркестанских гарнизонов приподнимаются и с треском падают на пол могучие алебастровые лысины Ильичей и синевато-черные каски выпучиваются из ломаных отверстий, эти резиновые пузыри возмездия за все его одиночество и тоску подневольного обманного труда.

Нет, это не было его заведомой мстью друзьям-командирам. Просто он забыл проткнуть накачанные камеры внутри ленинских голов. Он собирался это сделать, приготовил даже длинную острую спицу... Да уж слишком быстро стали развозить их по гарнизонам... Слишком быстро.

Курдаков Евгений Васильевич родился в марте 1940 г. на Оренбургской земле, а похоронен в Старой Руссе, в декабре 2003 года. Большую часть своей жизни прожил в Казахстане, в Усть-Каменогорске, и казахстанский Алтай всегда считал своей поэтической родиной. Здесь написаны главные его книги: «Мой берег вечный», «Холмы Чечек», «Золотое перо иволги» (книга прозы) и другие. Здесь он состоялся и как художник – резчик по дереву, тонкий флорист.

Евгений Курдаков воспитал немало талантливых поэтов, занимаясь с ними в литературных студиях Усть-Каменогорска и Алматы. Двое из них, Валерия Иванова и Сергей Комов, победили в конкурсе «Золотое перо России». Оба живут в Восточном Казахстане.

Евгений Курдаков был удостоен звания академика Петровской академии (Санкт-Петербург), стал лауреатом Пушкинской премии (1999).

